

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.17>UDC 323.1
LBC 63.3(4)Submitted: 22.09.2023
Accepted: 29.01.2024**“COLONIAL QUESTION” IN EUROPEAN COLLECTIVE MEMORY:
REVIEW OF RECENT STUDIES****Galina A. Nelaeva**

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Abstract. Introduction. The “critical turn” in modern humanities and social sciences has led researchers to rethink the contemporary global processes in terms of the inclusion/exclusion of actors in accepted narratives. The “women’s question” and “the voice of the subalterns” represent only a small part of hotly debated topics in academia and in the public sphere. Research on the memory of the traumatic past in European countries is also highly topical due to the fact that when faced with modern challenges, the European Union is trying to “re-assemble” its identity and declare itself as a global player, an actor with unity and certain “common values,” among which is shared memory of the past. **Methods and materials.** Through comprehensive analysis of recent research on the memory of colonialism in European countries, four countries are compared: France, Great Britain, Belgium, and the Netherlands. **Analysis.** A group of factors is identified that influence the perception of the past and its representation in urban places, in public discussions, on television, in mass culture, etc. Such factors include, in particular, the presence of a large and organized diaspora from the former colonies, the spread of modern technologies, the activities of veterans’ and former settlers’ associations, the interest of the younger generation in their past, etc. **Results.** As the study shows, the memory of the past continues to be a complex and contradictory phenomenon in the cultural and political life of European countries. Official discourses of memory are constantly challenged by actors who disagree with the interpretation of past events. The process of accepting the tragic past is not always accompanied by concrete measures, such as the payment of reparations, ceremonies to commemorate the victims of atrocities, memorial days, etc., and among the population there is still nostalgia for the colonial past.

Key words: colonial past, historical memory, European Union, France, Great Britain, Belgium, Netherlands.

Citation. Nelaeva G.A. “Colonial Question” in European Collective Memory: Review of Recent Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 199-210. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.17>

УДК 323.1
ББК 63.3(4)Дата поступления статьи: 22.09.2023
Дата принятия статьи: 29.01.2024**«КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС» В ЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ:
ОБЗОР НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ****Галина Александровна Нелаева**

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Введение. «Критический поворот» в современных гуманитарных и социальных науках заставил исследователей переосмыслить процессы, происходящие в мире, с точки зрения включения / исключения акторов в принятые нарративы. «Женский вопрос», «голос субальтернов» представляют лишь

малую часть тем, вокруг которых в настоящее время ведутся споры как в академической среде, так и в публичном поле. Исследования памяти о травмирующем прошлом в европейских странах также являются актуальными, так как, сталкиваясь с современными вызовами, Европейский союз пытается «пересобрать» свою идентичность и заявить о себе как о глобальном игроке, акторе, обладающем единством и разделяющим «общие ценности», к которым относится и память об общем прошлом. *Методы и материалы.* Путем комплексного анализа недавних исследований памяти о колониализме в европейских странах, сравниваются четыре страны: Франция, Великобритания, Бельгия и Нидерланды. *Анализ.* Выявлено, что на восприятие прошлого и его репрезентацию в городском пространстве, общественных дискуссиях, на телевидении, в массовой культуре и т. д. влияет следующая группа факторов: наличие многочисленной и организованной диаспоры из бывших колоний, распространение современных технологий, деятельность объединений ветеранов и бывших поселенцев, вернувшихся в метрополию, интерес молодого поколения к своему прошлому и др. *Результаты.* Как показывает исследование, память о прошлом продолжает оставаться сложным и противоречивым феноменом в культурной и политической жизни стран Европы, а официальные дискурсы памяти постоянно оспариваются акторами, не согласными с интерпретацией событий. Процесс принятия трагического прошлого далеко не всегда сопровождается конкретными мерами, такими как выплата репараций, церемонии поминовения жертв, памятные дни и т. д., а среди населения до сих пор имеет место ностальгия по колониальному прошлому.

Ключевые слова: колониальное прошлое, историческая память, Европейский союз, Франция, Великобритания, Бельгия, Нидерланды.

Цитирование. Нелаева Г. А. «Колониальный вопрос» в европейской коллективной памяти: обзор новейших исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 199–210. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.17>

Введение. Исследования исторической памяти в странах Европейского союза многочисленны и принадлежат как авторам стран Западной Европы (необходимо отметить немецкую исследовательницу памяти Алейду Ассманн, французов Анри Руссо и Бенямина Стора, итальянца Анджело Дель Бока, англичанку Каролину Элкинс и др.), так и Центральной и Восточной Европы [25]. Однако в отличие от холокоста и коммунистического прошлого, по поводу которых существует некий консенсус, выраженный в форме «мемориальных законов» [8], дней поминовения, памятников и музейных экспозиций и т. д., память о колониальном насилии до сих пор не стала частью коллективной памяти.

В европейской историографии о колониальном прошлом и коллективной памяти можно обозначить два периода: 1980–1990-е гг., когда появляются первые труды историков, например многотомное исследование «Итальянцы в Восточной Африке» (А. Дель Бока, 1982) и «Гангрена и забвение» об алжирских событиях 1954–1962 гг. (Б. Стора, 1991). Авторы критиковали дискурс о цивилизаторской миссии европейских стран в колониях, до сих пор преобладавший в общественном сознании. В огромной степени дискуссии о роли евро-

пейцев в Азии и Африке поддержали специалисты по имперскому прошлому (тема, не пользовавшаяся популярностью в тот период), среди них британский историк Джон Маккензи, написавший фундаментальный труд «Пропаганда и империя: манипуляция британским общественным мнением, 1880–1960», вышедший в 1986 г. в издательстве манчестерского университета и до сих пор остающийся одной из наиболее известных и цитируемых книг. Именно с изучения империи и имперского наследия начинается дискуссия о колониальном прошлом. Серия книг, опубликованных в университете Манчестера под редакцией Маккензи, называется «Изучение империализма» (*Studies in Imperialism*) и в настоящее время включает более двухсот наименований. Большая часть исследований посвящена истории британской империи, однако встречаются и труды по взаимодействию европейских держав (Великобритании, Франции, Германии и др.) в колониях.

Гораздо позднее, в конце 1990-х – 2000-е гг., начинаются исследования памяти об имперском прошлом европейцев. Этот «мемориальный бум» отчасти связан с переосмыслением истории XX в., особенно двух мировых войн, доступностью архивов и интересом мо-

лодого поколения к прошлому [18]. В исследовательских работах появляются термины «мемориальные войны», «мемориальная политика», сопровождающиеся дискуссиями о репрезентации прошлого в музеях, в школьных учебниках, в медийном дискурсе и в межгосударственных отношениях [23]. Среди исследований, в том числе компаративных, можно отметить «Кембриджские имперские и постколониальные исследования» (Cambridge Imperial and Post-Colonial Studies), первые книги которых вышли в 1991, 1995 и 1996 гг. и были посвящены имперской политике Великобритании, но в дальнейшем затрагивали множество других сюжетов. Однако исследования *памяти* о колониальном прошлом, несмотря на то что эта тема так или иначе возникает в различных контекстах, довольно немногочисленны. Посредством использования сравнительно-исторического метода можно выделить три группы стран-членов ЕС: крупные колониальные державы, такие как Португалия, Франция и Великобритания, в которых дискуссии о колониальном прошлом, несмотря на все трудности и сопротивление многих акторов, все же присутствуют в публичном поле и в академической среде. Вторую группу составляют относительно небольшие (на сегодняшний день) страны, также владевшие колониями, но чей имидж на протяжении второй половины XX в. строился на роли жертв германской агрессии, а также на роли инициаторов европейской интеграции и проводников европейских ценностей. К таким странам относятся, безусловно, страны Бенилюкс, Бельгия и Нидерланды, в которых тема колониального прошлого поднимается неохотно и зачастую не находит отклика среди местных исследователей. И, наконец, третья группа стран – это те, которые отрицают свою роль в поддержании колониального правления, подчеркивают, что не владели колониями и по этой причине не имеют отношения к колониальным преступлениям [16]. В этих странах нередко утверждается, что они сами были объектом колониальных захватов и эксплуатации (например, Ирландия) [22]. В эту же группу входят и страны Центральной и Восточной Европы [15].

Исследования показывают, что в странах ЕС до сих пор существует ностальгия по

имперскому прошлому [7], а сам колониализм часто рассматривается как положительное явление [11]. Отмечается, что в современной внешней политике Европейского союза проявляется все та же колониальная логика, представляющая неевропейцев как варваров, а сам Европейский союз как оплот цивилизации и пример для подражания [20]. В учебниках и монографиях история Европейского союза зачастую дана как линейный процесс, связываемый с разрушениями и тяготами двух мировых войн и желанием европейцев избежать подобных трагедий в будущем [4]. Упускается из виду или умалчивается то обстоятельство, что страны, стоявшие у истоков создания первых европейских интеграционных объединений в послевоенные годы, были колониальными державами, некоторые из которых вскоре начали военные операции, столкнувшись с призывами о независимости в колониях [13]. Желание сохранить колонии в условиях новой политической и экономической реальности, налаживание связей с ускользавшим из-под контроля неевропейским миром было немаловажной движущей силой европейской интеграции, ничуть не меньше, чем идея «европейского единства» [10]. Таким образом, неудивительно, что единой общеевропейской политики памяти не существует, несмотря на попытки европейских институтов разработать единый подход к пониманию «памяти» [14].

Публичные протесты, вспыхнувшие в США и Европе в рамках «Black Lives Matter», кампании по сносу памятников (такие как Rhodes Must Fall в ЮАР) подтверждают, что память о колониальном прошлом является противоречивой и затрагивает интересы разных акторов, в частности потомков жертв, африканские и азиатские диаспоры, белых переселенцев, вернувшихся из колоний, ветеранов колониальных войн, дипломатов, историков и других лиц. Немаловажным является и то обстоятельство, что европейские страны до сих пор владеют обширными «заморскими территориями», которые по сути остаются «последними колониями», хотя, конечно, имеют другие названия [3]. По поводу данных территорий периодически возникают правовые, политические и этические споры, из которых наиболее известным является война Аргентины и Великобритании вокруг Фолклен-

дских островов (1982), но есть и менее известные случаи, например спор по поводу суверенитета архипелага Чагос, отторгнутых от Маврикия и переданных США с целью создания на островах военной базы [9].

Таким образом, «колониальный вопрос» в той или иной форме поднимается в СМИ, в массовой культуре, в исторической науке, в политике диаспор, в извинениях официальных лиц. Как показывает база данных Political Apologies Across Cultures, шквал извинений европейских стран приходится на конец 1990-х – 2000-е гг., хотя этот «шквал» зачастую не сопровождается никакими конкретными мерами, например выплатами потерпевшим от насилия и их потомкам [27]. Случаи компенсации являются единичными и, скорее, исключением из правил, так как никакого механизма взыскания компенсаций за преступления, совершенные в ходе колониального правления, не существует, кроме обращения в национальные суды, которые неохотно принимают подобные иски [2]. К таким исключительным случаям можно отнести выплату компенсации ветеранам кенийского восстания Mau Mau, пострадавшим от пыток британцев [26], а также выплату вдовам погибших от рук голландцев в ходе резни в Равагедде (Индонезия) [6].

Методы и материалы. В этом контексте хотелось бы рассмотреть несколько исследований памяти о колониализме в европейских странах, в частности в бывших крупнейших имперских державах Великобритании и Франции, а также малых странах, таких как Нидерланды и Бельгия, которые вышли в 2020-е годы. Мы анализируем три монографии европейских авторов, дополняя их обсуждение информацией из исследовательских статей, также опубликованных в последние годы. Поиск монографий проводился с использованием научных баз данных за период 2020–2023 годов. Были отобраны три индивидуальные монографии, вышедшие в зарубежных издательствах (Палгрейв Макмиллан, Издательство амстердамского университета и издательство университета Лёвена). Отбор монографий производился исходя из их тематики. Важным аспектом при отборе была возможность сравнения механизмов взаимодействия с историческим прошлым в крупных бывших державах (Франция и Великобритания), а так-

же в относительно небольших странах (Нидерланды и Бельгия), однако мы не ставили своей целью провести сравнительный анализ политики памяти во всех странах-членах ЕС и на уровне Евросоюза в целом. Наша задача скромнее: рассмотреть вышедшие в 2020-е гг. монографии, посвященные коллективной памяти о колониальном прошлом в отдельных европейских странах. Коллективные монографии, вышедшие в тот же период, мы не рассматривали, так как они затрагивают более широкий круг вопросов [14; 16]. Применялся метод аннотирования текстов, их критический анализ, обобщение и синтез. Проводились сравнение содержания изучаемой литературы, выделение наиболее значимых и интересных аспектов и их контекстуализация в свете современных исследований, подведение итогов и обобщение.

Анализ. Книга Итая Лотема, историка из Университета Вестминстера, «Память о колониализме в Великобритании и Франции. Грехи молчания» посвящена исследованию памяти о колониализме в крупнейших европейских державах – Великобритании и Франции в период деколонизации 1960-х гг. до середины 2010 гг. [12]. Автор выделяет два раздела, посвященные Франции и Великобритании соответственно, и сравнивает эти две страны, основываясь на широком круге литературы и источников: материалов СМИ и соцсетей, интервью, официальных документов, телепрограмм и т. д. Лотем пытается проследить трансформации публичного дискурса о колониализме начиная с 1960-х гг., выделяя различные группы акторов, принимавших участие в процессе, таких как историки, режиссеры-документалисты, журналисты, лидеры левых и правых партий, писатели и активисты. Он не пытается написать историю колониального периода двух стран (задача, непосильная для одного автора и одного издания), а делает акцент лишь на том, как колониальное прошлое воспринимается данными акторами и какие стратегии выбирают эти акторы для продвижения своей точки зрения. Также Лотем не пытается описать межрасовые отношения в двух странах или историю европейского расизма, делая акцент на современных дебатах колониального прошлого и политики памяти.

Автор исследует феномен «молчания» или «замалчивания», когда некоторые вопросы не обсуждаются в публичном пространстве. Это «публичное молчание» является сознательной стратегией, которую другие акторы, выступая в публичном поле, пытаются опротестовать и нарушить.

Отмечается, что отправной точкой дебатов о колониальном прошлом во Франции можно считать 2005 г., когда в стране начались протесты, вызванные гибелью подростков арабского происхождения в парижском пригороде Клиши-Су-Буа, хотя некоторые вопросы, например алжирская война, никогда и не исчезали из публичного поля. В то же время в Великобритании серьезные публичные дискуссии о колониальном прошлом начались гораздо позднее, в 2015–2016 гг., под влиянием кампании Rhodes Must Fall, начавшейся в ЮАР и распространившейся в Великобритании.

Как показывает Лотем, намеренно утаивать действия Франции в Алжире было бы невозможно, так как в период с 1954 до 1962 г. около двух миллионов солдат французской армии участвовало в алжирских событиях. Более того, около миллиона человек вернулись во Францию после окончания войны – поселенцы европейского происхождения, среди которых были арабы-христиане и евреи, воевавшие на стороне Франции [12, р. 79]. Однако журналисты, историки и политики не хотели связывать фактор миграции с колониальной политикой Франции, предпочитая обсуждать текущие события без учета колониального контекста, считая, что колониальное прошлое не играет никакой роли в понимании текущих проблем. Следует отметить, что в 1960–1970-е гг. миграция не была негативным явлением. Считалось, что мигранты (в основном выходцы из других европейских стран, например стран Южной Европы) нужны экономике страны. Политизация миграции, представление мигрантов как угрозы начинается в 1990-е гг. с появлением этой повестки в программах политических партий [12, р. 46–50].

Несмотря на то что в 1960-е гг. вышел знаковый фильм «Битва за Алжир» (1966) итальянского режиссера Джилло Понтекорво, а историки стали подчеркивать важность *devoir de memoire* («обязанность помнить») по типу за-

падногерманского *Vergangenheitsbewältigung*, процесса обращения к прошлому и примирения с ним, обсуждение прошлого начинается не с колониализма, а с коллаборационизма. Большую роль в этом процессе сыграла книга «Синдром Виши» (1987) А. Руссо. Роль историков в инициации публичных дебатов о колониализме была огромной. Одним из наиболее известных историков колониализма является уроженец Алжира Бенъямин Стора, «нарушитель молчания», призывавший к признанию войны и ее последствий. Его исследования истории Алжира стали ключевыми для понимания контекста франко-алжирских отношений [12, р. 119].

В 2005 г. появился законопроект, в котором предлагалось преподавать имперское прошлое, подчеркивая его положительные аспекты. Тут же в историческом сообществе и в СМИ возобновились жаркие дебаты о колониальном прошлом. Протесты, начавшиеся в Париже из-за гибели подростков, заострили внимание общественности на необходимости обсуждения вопроса миграции в контексте колониальной политики Франции. К «битве памяти и истории» подключились политические активисты и общественные деятели, что в итоге привело к тому, что спорную фразу о «положительных аспектах имперского прошлого» из закона убрали, а дискуссии вокруг колониального прошлого заняли прочное место в публичном пространстве.

Если для французов война в Алжире стала ключевым моментом распада империи, Британская империя прошла более длительный и поэтапный путь распада, который, по мнению многих историков, не завершился до сих пор. Так как в Британии не было какого-либо значимого момента, символизирующего окончательный разрыв с имперским прошлым, память об имперском прошлом становится предметом публичного обсуждения гораздо позднее, чем во Франции. Даже такое событие, как Фолклендская война, не подтолкнуло британцев к критическому осмыслению колониальной политики. Дискурс о межрасовых отношениях строился вокруг политики «мультикультурализма», без учета колониальной истории. Расистские взгляды считались индивидуальным выбором человека, на который необходимо повлиять. Британские антираси-

стские активисты делали упор на репрезентацию своих «мультикультурных» взглядов, а не на изучение глубинных причин расизма.

Инициатива обсуждения проблем прошлого принадлежала в первую очередь активистам африканского и афро-карибского происхождения. В начале 2000-х гг. продолжают дискуссии по поводу работорговли. Несмотря на то что аболиционистский дискурс, подчеркивавший «благородную роль» некоторых европейцев, таких как Уильям Уилберфорс, в отмене рабства, доминировал в общественном пространстве, сообщества африканцев, проживающих в Британии, выступили с критикой такого подхода к истории рабства. Последняя получила отображение в музейных экспозициях в центрах трансатлантической работорговли, Бристоле и Ливерпуле, а в 2004 г. Ливерпуль по собственной инициативе объявил 23 августа (день начала революции на Гаити) днем поминовения жертв работорговли, единственная инициатива в своем роде. Извинение со стороны Церкви Англии (2006) о своем участии в порабощении африканцев широко обсуждалось в СМИ, но было раскритиковано как неискреннее представителями африканской диаспоры. Как считает Лотем, публичные дискуссии о необходимости извинений за работорговлю начинаются именно с этого момента [12, р. 280]. Вскоре британский премьер Тони Блэр выразил «глубокое сожаление» по поводу того, что работорговля имела место, что опять же было подвергнуто критике как неискреннее, половинчатое признание. Были и те, кто заявлял, что бессмысленно извиняться за события, случившиеся 200 лет назад [12, р. 281]. В целом, как прослеживает автор, дискуссии об ответственности за работорговлю, вскоре сместились к обсуждению современных форм рабства, тем самым «размыв» вину Великобритании за это явление и представив торговлю людьми как проблему, существующую где-то далеко на периферии, или как преступление, совершаемое иностранцами [12, с. 325].

В 2013 г. была достигнута договоренность о выплатах компенсации пострадавшим от пыток в ходе подавления восстания Мау Мау в Кении, а в 2015 г. страны Карибского бассейна выступили с требованием о репарациях против Великобритании и других евро-

пейских стран (требование, оставшееся до сей день неудовлетворенным). Эти события оказались предметом широкого обсуждения в СМИ, и стало ясно, как подчеркивает Лотем, что в Британии нет необходимого политического языка для обсуждения травм прошлого [12, р. 348]. Дискуссии об имперском прошлом разворачивались вокруг таких тем, как: «плохой» или «хорошей» была Британская империя, должны британцы гордиться своим прошлым или стыдиться его, кому следует платить за «грехи предков» [12, р. 400].

Протесты, повлекшие за собой свержение и осквернение памятников, показывают, что поляризация общества по вопросу исторической памяти продолжается и что проблема расовой справедливости требует обращения к колониальной истории.

Что касается стран Бенилюкс, то до недавнего времени они строили свою идентичность вокруг травмы немецкой оккупации и торжества европейской интеграции. Позиционируя себя как открытые, демократические и толерантные государства, эти страны неохотно обращаются к своему колониальному прошлому.

Пол Дулан, написавший книгу «Коллективная память и голландская Вест-Индия» по материалам своего диссертационного исследования, представленного в Университете Констанца (Германия) и опубликованного издательством амстердамского университета, задается вопросом, почему деколонизация бывших территорий голландской Вест-Индии долгое время была и продолжает оставаться непопулярной темой в Нидерландах [5]. Основываясь на различных источниках, таких как мемуары, статьи в СМИ, радио- и телепередачи, фильмы, он пытается проследить конструирование дискурса о деколонизации на протяжении пятидесяти лет (1945–1995). Он выделяет несколько ключевых акторов в процессе формирования памяти о деколонизации: ветераны военных действий, репатрианты и профессиональные историки.

Автор выделяет несколько ключевых периодов: первый период – «нация на войне» (1940–1949), в который Нидерланды были оккупированы нацистами (1940–1945), а колонии Нидерландов – японцами (1942–1945), и война Индонезии за независимость (1945–1949).

Второй период (1949–1969) характеризуется возвращением на родину солдат, мобилизованных для участия в военных действиях, а также белых поселенцев и метисов, проживавших в колониях. Белые поселенцы (totoks) и метисы (Indos), родившиеся в смешанных браках, отправились в Голландию сразу после начала Bersiap (период после 1945 г. по 1947 г.). Вместе с ними отправились молукканцы, жители островов Малуку (12 500 человек), воевавшие на стороне голландцев против индонезийцев. Подразумевалось, что со временем они смогут вернуться обратно, чего не произошло [16].

Как ветераны боевых действий, бывшие солдаты Королевской голландской ост-индской армии (KNIL, Koninklijk Nederlands Indisch Leger), так и переселенцы были недовольны холодным приемом на родине. Первых оскорбляло то, что к ним относились как к проигравшим, а впоследствии как к военным преступникам, а вторые долгое время не могли интегрироваться в экономическую жизнь общества. Как подчеркивает голландский историк Г. Оостиндие, страна была не заинтересована в возвращении переселенцев, а наоборот, пыталась стимулировать миграцию в Канаду и Австралию, так как Нидерланды и без того «переполнены». Тем более, страна оказалась не готова к прибытию большого количества мигрантов неевропейского происхождения из бывших колоний [19].

Террористические акты, совершенные молукканцами в 1970-е гг. (захват пассажирского поезда, нападение на индонезийское посольство), шокировали общество и поставили его перед необходимостью обсуждения ситуации с мигрантами и их интеграции в общество. Несколько десятилетий молукканцы пробыли на территории Нидерландов, не имея гражданства, расселенные по бывшим военным баракам, заброшенным монастырям и другим малоприспособленным для жизни помещениям.

В этот период не было ни одного серьезного исторического исследования, посвященного деколонизации. Исполнение требований о компенсации за потерю собственности, которые выдвигали вернувшиеся в Голландию поселенцы, все время затягивалось, а сами переселенцы, «восточные голландцы», воспринимались населением как консерваторы и ко-

лониилисты. То обстоятельство, что многие из них пережили бесчеловечное обращение от рук японцев, размещавших европейцев в специальные концлагеря, и от индонезийцев в ходе революции, мало кого интересовало [5, р. 64].

Автор показывает, как постепенно, с трудом начинают развенчиваться официальные мифы о деколонизации в период с конца 1980-х гг. и в 1990-е годы. Данный процесс, как он неоднократно подчеркивает, запускают в действие ветераны, а не историки, которые предпочитают избегать острых тем. Телевидение становится площадкой, на которой все больше очевидцев и участников событий начинают выражать свои мнения и делиться воспоминаниями. В частности, в телевизионном интервью 1969 г., Юп Хюетинг (Joop Hueting), ветеран событий, признался, что участвовал в совершении военных преступлений, таких как нападения на гражданские объекты, не имеющие военного назначения, расстрел военнопленных и т. д. Данное интервью становится отправной точкой, от которой можно вести отчет дискуссиям о памяти в голландском обществе. Автор подчеркивает, что мобилизация 150 000 солдат для борьбы с японской оккупацией была крупнейшей в голландской истории. Однако, когда солдаты прибыли в Индонезию, оккупация через пару дней завершилась, и им пришлось воевать не с японскими агрессорами, как они считали, а с индонезийцами, которых они должны были защищать от японцев. Некоторые солдаты участвовали в Соппротивлении против немецких оккупантов в Нидерландах и по идеологическим соображениям добровольно отправились в Индонезию сражаться с Японией. Однако вскоре у солдат начинается разочарование и непонимание, за что они должны сражаться.

Первый миф официальной пропаганды строился на том, что индонезийский национализм – продукт японской пропаганды времен оккупации, а лидеры индонезийской борьбы за независимость, Хатта и Сукарно, лишь японские марионетки. Второй миф был связан с тем, что потеря Нидерландами Индонезии стала результатом некомпетентных и злонамеренных действий внешних акторов, в частности британцев, не сумевших сохранить порядок после окончания японской оккупации, США, «предавших» Нидерланды в ООН, и

самой ООН, вмешивавшейся во «внутренние дела Нидерландов», к которым относились действия Нидерландов в колониях. Обвиняли и СССР с его растущим идеологическим влиянием в азиатском регионе. Следующий миф был связан с тем, что преступления, совершенные голландскими солдатами, были «эксцессами», исключением из правил, и это было не только голландской проблемой, а вполне могло случиться с солдатами любой армии [5, р. 104]. В терминах «эксцессов» трактовались и действия Капитана Рэймонда Вестерлинга и его кампании по «умиротворению Южного Сулавеси», когда тысячи мирных жителей были уничтожены его «специальными войсками». Политики в Гааге были осведомлены о том, что происходило, но ничего не предприняли, чтобы остановить Вестерлинга, ему даже не было предъявлено обвинений. Еще в 1952 г. он опубликовал мемуары, где похвалялся своим героизмом.

Оживленные дискуссии по поводу деколонизации начинаются с момента выхода книг известного голландского историка Лу Де Йонга (Lou De Jong), касающиеся политики Нидерландов в колониях. Его многотомное издание (29 томов) по истории Нидерландов периода Второй мировой войны пользовалось огромной популярностью в обществе, поэтому тома, посвященные событиям в Азии, тоже получили большое распространение. Впрочем, в появляющихся исследованиях, документальных фильмах, художественных произведениях события были представлены в основном с точки зрения голландцев, без учета мнения индонезийцев. Голландский империализм, насчитывавший несколько веков, участие голландцев в трансатлантической работорговле – эти темы по-прежнему отсутствовали в публичном поле и в исследовательских работах. А события в Индонезии воспринимались скорее как результат некомпетентной политики центральной власти в Гааге, недооценившей влияние индонезийского национализма на население колоний [5, р. 217], что объясняет неготовность голландцев к войне с Японией и хаотичную политику 1945 года.

В 2011 и 2013 гг. судебные иски с требованием о компенсации за совершение военных преступлений в Равагаде и Южном Сулавеси были инициированы в голландских судах, а в

2017 г. потомки погибших в ходе освобождения заложников 1977 г., когда было убито шесть молукканцев и двое заложников, также обратились в суд. Эти события привели к тому, что в 2020 г. Король Нидерландов Виллем-Александр принес извинения Индонезии за применение «чрезмерного насилия». Автор, впрочем, довольно критически оценивает перспективы вовлечения судов в процесс восстановления исторической справедливости, так как суды плохо приспособлены для этой роли. В их задачу входит установление вины за совершенное преступление, а дихотомия «преступник – жертва» не способствует комплексному анализу исторической реальности [5, р. 302]. До сих пор в голландском обществе, как подчеркивает Дулан, имеет место нежелание обращаться к событиям прошлого, и это нежелание вполне разделяется историками. Следует отметить, что в 2021 г. вышел отчет специальной комиссии по истории рабства «Цепи прошлого», созданной Министерством внутренних дел и дел Королевства, где эксперты рекомендовали признать свою роль в работорговле, принести извинения и создать специальный фонд, из которого бы выплачивались репарации [21]. Таким образом, процесс обсуждения колониального прошлого идет, хотя не всегда его результаты оказываются приемлемыми для ключевых акторов процесса и других заинтересованных групп.

Что касается Бельгии, исследование американского историка М. Станара «Леопард, лев и петух. Колониальная память и памятники в Бельгии» посвящено изучению памяти о колониальном прошлом и ее репрезентации в городском пространстве бельгийских городов [24]. Автор проводит анализ монументов, бюстов, надгробных памятников, памятных табличек и других объектов мемориальной культуры. Книга была опубликована в 2023 г. Университетом Лёвена. Станар, как и проанализированные выше авторы, строит свое исследование по хронологическому принципу: он подразделяет изучаемый период (1960–2010-е гг.) на несколько периодов и прослеживает изменения дискурса о колониализме в бельгийском обществе. Начинается исследование с момента, предшествовавшего деколонизации, хотя автор также дает и характеристику исторического контекста.

Важно отметить то обстоятельство, что в Бельгии сильны региональные различия и лингвистические противоречия. Станар подчеркивает, что обсуждение колониального прошлого нельзя рассматривать в отрыве от дебатов о бельгийской идентичности, так как участие бельгийцев в колониальном правлении очень разнородно. В руководстве колонией были задействованы в основном франкоязычные бельгийцы и коммуникация с колонией осуществлялась на французском языке, в то время как фламандцы присутствовали в колонии, как правило, в качестве миссионеров, не участвуя в принятии ключевых политических решений. Значительным было и присутствие других европейцев в бельгийской колонии.

Колониальное прошлое Бельгии в основном связывают со временем Леопольда II, который управлял этой территорией как частное лицо (хотя физически никогда там не был) и его безжалостными методами наживы. О бесчеловечном обращении бельгийцев с местным населением было известно еще в XIX в., когда появились первые отчеты, написанные иностранными дипломатами [17], и в целом этот период хорошо изучен в историографии. Хотя, как замечает Станар, бельгийский период господства (1908–1960) длился гораздо дольше, чем правление Леопольда, а изучен он гораздо хуже. Отсутствие интереса к теме исторического прошлого Станар связывает с несколькими факторами: во-первых, с тем, что мало бельгийцев имело непосредственный контакт с колонией. Экономически Бельгия мало зависела от колонии, и у бельгийцев не было необходимости отправлять туда специалистов. Это, в свою очередь, объясняет тот факт, что после начала беспорядков 1960 г., в Бельгию вернулось небольшое количество переселенцев, в отличие от Франции или Португалии, столкнувшихся с массовой реэмиграцией в метрополию [24, с. 28]. Во-вторых, в Бельгии не было историков, имевших непосредственный контакт с колонией, таких как француз Беньямин Стора, родившийся в Алжире, или англичанин Джон М. Маккензи, выросший в Северной Родезии.

В-третьих, конголезская диаспора в Бельгии была небольшой и маргинализованной. Автор подчеркивает, что конголезс-

кая диаспора в Бельгии до сих пор является малочисленной и не имеет большого политического веса в обществе, а оспаривание дискурса памяти часто исходит не от конголезцев или других африканцев (выходцев из Руанды или Бурунди), а от других групп, например арабской диаспоры, возмущенной мифами о том, как герои-бельгийцы во времена Леопольда II пытались спасти незащищенное население от торговцев рабами, под которыми понимали арабов-мусульман. Негативное представление арабов как работоторговцев и эксплуататоров отражено не только в дискурсе, но и в памятниках, которые до сих пор сохраняются в городском и музейном пространстве бельгийских городов. Автор подмечает то обстоятельство, что данный сюжет неизменно изображает жертв – африканских безмян-ных женщин и детей (часто обнаженных или полуобнаженных, чтобы подчеркнуть их «примитивность») и определенных мужчин-европейцев, изображенных в форме и названных по имени. Африканские мужчины, если они представлены в скульптуре, также изображаются полуобнаженными и безмянными. Бельгийцы изображены как brave солдаты, хотя, как подчеркивает исследователь, большинство из них умерло не в бою, а от болезней, так как климат Центральной Африки был крайне неблагоприятным для европейцев.

Дискуссии о роли бельгийцев в африканских событиях начинаются не с обсуждения деколонизации 1960 г., а с событий в Руанде 1994 г., когда в Бельгии появляется большое количество беженцев, спасавшихся от геноцида. Также к началу 1990-х гг. происходит смена поколений, события отодвигаются по времени, и молодые историки начинают работать над вопросами колониального прошлого. Столетняя годовщина (1985) провозглашения Леопольдом II Свободного государства Конго также стала толчком к началу дискуссий о прошлом.

Изучая памятники, эти *lieux de memoire* бельгийцев, Станар отмечает и то, что цивилизаторский дискурс до сих пор присутствует на мемориальных табличках. Несмотря на то что часть памятников была демонтирована (часто не из-за запроса общества, а по прозаичным причинам, например из-за необходимости расширения автотрассы или строитель-

ства какого-то объекта инфраструктуры), десятки памятников колониалистам до сих пор стоят в бельгийских городах. Цивилизаторский дискурс о том, что Бельгия принесла в Конго «труд и прогресс» (лозунг времен Леопольда II) до сих пор присутствует в неизменном виде на некоторых пояснительных табличках у памятников. «Имперская ностальгия» участников событий также играет свою роль: памятники используются ветеранами и очевидцами событий для проведения различных церемоний.

Насилие в ходе деколонизации, убийство Патриса Лумумбы, вмешательство США, заинтересованных в конголезских залежах урана, – все эти события слабо отражены в коллективной памяти бельгийцев. Лишь в 2018 г. было принято решение назвать сквер в Брюсселе в честь Лумумбы, хотя еще в 2002 г. правительство признало, что бельгийцы несут «часть ответственности» за гибель конголезского лидера, правда, не назвав имен виновных.

Станар считает, что извинения такого рода нужно рассматривать в контексте европейских событий, таких как признание британцами факта использования пыток против участников восстания Мау Мау, дискуссии о геноциде племен гереро и нама, совершенном немцами в начале XX в., бесчеловечное обращение австралийцев с местным населением и т. д. [24, р. 191–193]. Все эти публичные акты раскаяния являются попыткой показать, что акты насилия в прошлом были неуправляемыми, но они остались в прошлом, и эта страница перевернута. В действительности же, несмотря на то что Бельгия прошла долгий и сложный путь признания своего колониального прошлого, очень много вопросов остается без ответа (даже расследование убийства П. Лумумбы все еще не завершено). Для исследователей и обывателей других европейских стран Бельгия также не представляет большого интереса, так как, в отличие от крупных колониальных держав, ее владения были относительно небольшими и были утеряны одномоментно. Кроме того, политика центральноафриканских государств попадает в поле зрения европейских СМИ лишь в связи с некими кризисами, войнами и другими катастрофами, поддерживая миф о том, что бель-

гийцы несли в Конго «цивилизацию», а с их уходом там воцарился хаос. Сам дискурс о центральноафриканских государствах как о неудавшихся, провальных (failed states) подтверждает тезис о том, что расизм до сих пор является ключевым принципом международных отношений [1].

Результаты. Проанализировав работы зарубежных ученых по данному вопросу, можно сделать следующие выводы: во-первых, процесс признания и принятия травмирующего прошлого в европейских странах во многом зависит от наличия сплоченной и организованной африканской и азиатской диаспоры в бывших метрополиях и степени их влияния на современные политические процессы. Немаловажным фактором является стремление представителей потерпевших добиваться компенсации за причиненный ущерб в судебном порядке и требовать публичного признания и извинения от элит. Во-вторых, как показывают рассмотренные исследования, государства не всегда способны разрешить конфликты, возникающие между различными группами общества, вовлеченными в этот процесс, такие как потомки белых поселенцев, вынужденных вернуться в метрополию, диаспоры, общественные активисты, представители культурной элиты, бывшие дипломаты, историки, и т. д., так как интересы этих групп зачастую диаметрально противоположны. В-третьих, большую роль в процессе признания прошлого играют непосредственные участники событий и ветераны боевых действий. Современные технологии позволяют создавать новые формы репрезентации прошлого с использованием визуальных методов подачи материала и поддерживать интерес общества к теме истории. В-четвертых, исторические события не теряют актуальности в межгосударственных отношениях, что объясняет попытки европейских стран найти приемлемую форму извинения за «эксцессы» колониального периода, хотя зачастую такие извинения не рассматриваются бывшими колониями и активистами африканских и азиатских диаспор как искренние акты раскаяния.

Важность подобных исследований, на наш взгляд, еще и в том, что изучение африканских и азиатских стран зачастую начинается с анализа современности, без учета ко-

лониального контекста, что приводит к поверхностным, предвзятым выводам об их политике и экономике.

Стоит отметить высокий уровень проведенных исследований, широкий круг источников и литературы, на которые опираются авторы, доступный стиль изложения, что делает книги понятными и интересными для широкого круга читателей, а не только для узких специалистов по истории Европы. К недостаткам можно отнести то обстоятельство, что исследования носят европоцентристский характер, в них не рассматривается память о колониализме в бывших колониях. Тем не менее книги представляют несомненный интерес и для академического сообщества, и для всех интересующихся проблемой исторической памяти в современной Европе.

REFERENCES

1. Anievas A., Manchanda N., Shilliam R. *Race and Racism in International Relations. Confronting the Global Colour Line*. London, New York, Routledge, 2015. 230 p.
2. Cara A. France's Supreme Court Rejects Groups' Request for Slavery Reparations in Case from Martinique. *AP News*, 5 July 2023. URL: <https://apnews.com/article/france-slavery-court-reparations-caribbean-martinique-ac8773c418ee15ff96cadff0101b6ff6d8>
3. Connell J., Aldrich R. *The Ends of Empire. The Last Colonies Revisited*. Cham, Palgrave Macmillan, 2020. 524 p.
4. Dinan D. *Europe Recast. A History of European Union*. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2014. 411 p.
5. Doolan, P. M. M. *Collective Memory and the Dutch East Indies: Unremembering Decolonization*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2021. 336 p.
6. Dutch Court Orders Compensation for Widows of 1947 Java Massacre. *The Guardian*, 14 Sept. 2011. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/sep/14/dutch-payout-widows-java-massacre>
7. Fletcher R. The Art of Forgetting: Imperialist Amnesia and Public Secrecy. *Third World Quarterly*, 2012, vol. 33, no. 3, pp. 423-439.
8. Fronza E. *Memory and Punishment Historical Denialism, Free Speech and the Limits of Criminal Law*. The Hague, T.M.C. Asser Press, 2018. 217 p.
9. General Assembly Welcomes International Court of Justice Opinion on Chagos Archipelago, Adopts Text Calling for Mauritius' Complete Decolonization. *UN Press Release*, 22 May 2019. URL: <https://press.un.org/en/2019/ga12146.doc.htm>
10. Hansen P., Jonsson S. Building Eurafrica: Reviving Colonialism through European Integration, 1920–1960. *Conference Proceeding*, 2014. URL: <http://aei.pitt.edu/52859>
11. Lotem I. A Decade After the Riots, France Has Rewritten Its Colonial History. *The Conversation*, 25 Jan. 2016. URL: <https://theconversation.com/a-decade-after-the-riots-france-has-rewritten-its-colonial-history-50499>
12. Lotem I. *The Memory of Colonialism in Britain and France. The Sins of Silence. Cambridge Imperial and Post-Colonial Studies*. Cham, Palgrave Macmillan, 2021. 428 p.
13. Luttikhuis B., Moses D.A. Mass Violence and the End of the Dutch Colonial Empire in Indonesia. *Journal of Genocide Research*, 2012, vol. 14, no. 3–4, pp. 257-276. DOI: 10.1080/14623528.2012.719362
14. Mälksoo M., ed. *Handbook on the Politics of Memory*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2023. 418 p.
15. Mark J., Slobodian Q. Eastern Europe in the Global History of Decolonization. Thomas M., Thompson A., eds. *The Oxford Handbook of the Ends of Empire*. Oxford, OUP, 2018, pp. 351-372.
16. Merivirta R., Koivunen L., Särkkä T., eds. *Finnish Colonial Encounters. From Anti-Imperialism to Cultural Colonialism and Complicity*. Cham, Palgrave Macmillan, 2021. 336 p.
17. Nielsen M.B. *Britain, Germany and Colonial Violence in South-West Africa, 1884–1919. The Herero and Nama Genocide*. Cham, Palgrave Macmillan, 2021. 233 p.
18. Nora P. *The Rise of Memory*. Israel Academy of Sciences and Humanities, 2016, Febr. 25. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UO60HxQgyj4>
19. Oostindie G. *Postcolonial Netherlands. Sixty-Five Years of Forgetting, Commemorating, Silencing*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2010. 288 p.
20. Pace M., Roccu R. Imperial Pasts in the EU's Approach to the Mediterranean. *Interventions*, 2020. vol. 22, no. 6, pp. 671-685. DOI: 10.1080/1369801X.2020.1749702
21. *Report of Findings by the Slavery History Dialogue Group Advisory Board*, 20 July 2023. URL: <https://www.government.nl/documents/reports/2023/07/20/chains-of-the-past—report-of-findings>
22. Roberts D.S., Wright J.J. *Ireland's Imperial Connections, 1775–1947*. Cham, Palgrave Macmillan, 2019. 323 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-25984-6>
23. Simine S. Memory Boom, Memory Wars and Memory Crises. *Mediating Memory in the Museum*. London, Palgrave Macmillan, 2013. (Palgrave Macmillan Memory Studies). DOI: https://doi.org/10.1057/9781137352644_3

24. Stanard M.G. *The Leopard, the Lion, and the Cock: Colonial Memories and Monuments in Belgium*. Leuven, Leuven University Press, 2023. 338 p.

25. Švaříčková Slabáková R. Between Old Traditions and New Approaches: Locating Oral History and Memory Studies in East Central Europe. *Slovenský národopis*, 2021, vol. 69, no. 2, pp. 205-218. DOI: <https://doi.org/10.2478/se-2021-0011>

26. UK to Compensate Kenya's Mau Mau Torture Victims. *The Guardian*, 6 June 2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jun/06/uk-compensate-kenya-mau-mau-torture>

27. Zoodsma M., Schaafsma, J. Examining the 'Age of Apology': Insights from the Political Apology Database. *Journal of Peace Research*, 2022, vol. 59, no. 3, pp. 436-448. DOI: <https://doi.org/10.1177/00223433211024696>

Information About the Author

Galina A. Nelaeva, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Tyumen State University, Volodarskoro St, 6, 625003 Tyumen, Russian Federation, g.a.nelaeva@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8877-9893>

Информация об авторе

Галина Александровна Нелаева, кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и регионоведения, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, 625003 г. Тюмень, Российская Федерация, g.a.nelaeva@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8877-9893>